

Булгарин и вокруг
2. Круги по воде, или большие последствия одного
письма Ф.В. Булгарина

А.И. Рейтблат

Аннотация: В 1843 г. в ходе ожесточенной полемики с «Отечественными записками» и «Литературной газетой» Ф.В. Булгарин подал главе Петербургского цензурного комитета князю Г.П. Волконскому жалобу на введенный им негласный запрет на публикацию полемических статей в периодических изданиях. В рассмотрение этого конфликта постепенно оказались вовлечены министр народного просвещения граф С.С. Уваров, шеф жандармов А.Х. Бенкендорф и сам император. При этом Уваров выступал за ужесточение цензуры и полное прекращение полемик, а Бенкендорф, напротив, считал возможным не менять существующий порядок. В статье публикуются архивные документы, детально освещающие эту историю, отдаленными последствиями которой были существенное ужесточение цензурного режима в 1848 г. и отставка С.С. Уварова в 1849 г.

Ключевые слова: Ф.В. Булгарин, С.С. Уваров, А.Х. Бенкендорф, Николай I, цензура, журнальная полемика.

Информация об авторе: Абрам Ильич Рейтблат, канд. пед. наук, «Новое литературное обозрение» / Российская государственная библиотека искусств, Москва, Россия. E-mail: reitblat@nlo.magazine.ru

Журнал «Отечественные записки» в 1839 г. был возобновлен (а по сути — создан заново под старым названием) в значительной степени для борьбы с «Северной пчелой» Ф.В. Булгарина и Н.И. Греча, причем в основе этой борьбы лежала критика не столько самой газеты, сколько личностей ее издателей, особенно Булгарина. В союзе с «Отечественными записками» выступала созданная в 1840 г. на основе «Литературных прибавлений к “Русскому инвалиду”» «Литературная газета» (в 1840 г. ее издателем-редактором, как и «Отечественных записок», был А.А. Краевский, в 1841 г. она перешла к Ф.А. Кони, а с 1844 г. ее опять редактировал Краевский). В этих изданиях постоянно (в журнале из номера в номер) появлялись как негативные характеристики произведений Булгарина, так

и насмешки над ним или намеки на те или иные обстоятельства его жизни. В.Г. Белинский (основной критик «Отечественных записок») не раз писал, что романы Булгарина малохудожественны и кроме «Ивана Выжигина» не имели успеха у читателей, обвинял Булгарина в самохвальстве, меркантильности, в стремлении к монополизму в литературе. Многократно повторялись утверждения, что Булгарин устарел.

Особой остроты эта борьба достигла в 1843 г. Н.А. Некрасов в майском номере «Отечественных записок», рецензируя очередные выпуски булгаринского сочинения «Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка рода человеческого», не стал разбирать и оценивать их, посвятив заметку разоблачению «проделок» Булгарина: саморекламы и нападок на журналы, которые критически относятся к его творчеству: «Задолго до появления в свет нового “сочинения” г. Булгарина “Северная пчела”, состоящая под его редакцией, с радостным биением сердца спешит довести до сведения почтеннейших читателей, что один из издателей ее изготовляет весьма приятный подарок, долженствующий сделаться украшением русской литературы; тут же вскользь отдается преимущество перед всеми другими тому роду литературных произведений, к которому будет принадлежать новое “сочинение” г. Булгарина, и громко порицаются все сочинения в этом роде, писанные литераторами, которых г. Булгарин считает своими соперниками», и т.п.¹ Редактор «Литературной газеты» Ф.А. Кони пошел еще дальше: 9 мая он поместил статью, в которой утверждал, что Булгарин устарел и что «творения этого великого сочинителя всегда оказывались без всякого творческого достоинства, без жизни, с тупыми остротами, с избытком моралью, проникнутыми одною, ясно высказанною претензией, сбыть их поскорее почтенной публике», переходя, таким образом, от оценки творчества Булгарина к оценке его личности, что не позволялось цензурным уставом. Более того, он вспоминал, что Булгарин служил в армии Наполеона, намекал, что Булгарин берет взятки за публикацию хвалебных материалов, писал, что вышедшее под именем Булгарина многотомное издание «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношении» включало том «Статистика», который составил Н.А. Иванов, а тома исторического содержания Булгарин подготовил на основе «выписок из тетрадей дерптских профессоров», и т.д.²

¹ Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. М., 1989. Т. 11, кн. 1. С. 87–88. Рецензия не была подписана, поскольку тогда в «Отечественных записках» все рецензии печатались без подписи.

² Кони Ф. Журналистика // Литературная газета. 1843. № 18. 9 мая.

Рассерженный Булгарин решил апеллировать к попечителю Петербургского учебного округа и главе Петербургского цензурного комитета князю Г.П. Волконскому. 11 мая 1843 г. он написал письмо с жалобами на нападки в «Отечественных записках» и «Литературной газете», представляющие собой, как он писал, «одни личности, сплетни, клеветы, высказанные языком, который ныне не употребляют самые бранчливые лакеи и кучера». Причину этих нападков Булгарин видел в следующем: «...думают, что меня можно безнаказанно оскорблять, потому что я поляк, нигде не служу, сильных родных здесь не имею и никогда не жаловался — а между тем Карлово стоит всем костью в горле — и вот составила партия, чтобы действовать против меня общими силами с цензорами [...]»³. Повидимому, Волконский, прочитав письмо, дал какое-то распоряжение цензорам. По крайней мере, после мая взаимные выпады Булгарина, с одной стороны, и «Отечественных записок» с «Литературной газетой», с другой, прекратились на несколько месяцев. Булгарин сам вновь затронул эти издания в фельетоне «Журнальная всякая всячина» 18 сентября (Северная пчела. 1843. № 208). После возобновления взаимных нападков⁴ Волконский не выдержал и распорядился не пропускать в печать подобные полемические статьи.

7 декабря 1843 г. цензор Петербургского цензурного комитета А.В. Никитенко записал в дневнике: «...в прошедший вторник [31 ноября], в заседании цензурного комитета, положено озаботиться прекращением ругательств, которыми осыпают друг друга журналисты, особенно Булгарин и Краевский. В самом деле, эта так называемая полемика часто доходит до отвратительного цинизма. Так, например, в одном из последних номеров “Северной пчелы” [от 13 ноября] Булгарин объявляет, что Краевский унижает Жуковского, несмотря на то, что Жуковский автор нашего народного гимна “Боже, царя храни”. Что это, как не полицейский донос?

Князь Волконский велел решение комитета сообщить Булгарину не официально, а в виде предостережения, чтобы тот больше не трудился писать таких мерзостей, ибо цензура будет безжалост-

³ Отчет Императорской публичной библиотеки за 1892 год. СПб., 1895. Приложение. С. 58–59. Карлово — имение под Дерптом, которое Булгарин приобрел в 1828 г.

⁴ См.: [Белинский В.Г.] Литературные и журнальные заметки // Отечественные записки. 1843. № 10. Отд. VIII. С. 123–126; [Он же.] Сочинения Зенеиды Р-вой. СПб., 1843 // Там же. № 11. Отд. V. С. 5; [Он же.] [Рец. на: Булгарин Ф. Полн. собр. соч. СПб., 1839–1843. Т. 2–4] // Там же. Отд. VI. С. 23–24; Кони Ф. Журнальная амальгама // Литературная газета. 1843. № 38, 43; Он же. Журналистика // Там же. № 47; Ф.Б. [Булгарин Ф.] Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1843. № 214, 232, 244, 250, 256. 25 сент., 16, 30 окт., 6, 13 нояб.

но вымарывать их. Впрочем, это распоряжение касается всех журналистов-ругателей»⁵. Но в начале декабря вышел номер «Отечественных записок» (сданный в печать до запрета попечителя), содержащий резкую критику Булгарина. В.Г. Белинский в напечатанных без подписи «Литературных и журнальных заметках» называл булгаринские сочинения «старым литературным хламом», находил в них «нелепости и бессмыслицу», утверждал, что «“Северная пчела” с дурным умыслом искажила содержание статьи [Белинского о Жуковском] и доносит... читателям не то, что сказано...»⁶, и намекал на продажность газеты.

Булгарин не выдержал. У него был очень горячий темперамент, и в момент гнева он не контролировал свои поступки. Н.И. Греч, его многолетний друг, а к концу жизни — враг, вспоминал, что «в самой основе его характера было что-то невольное дикое и зверское. Иногда вдруг, ни с чего или по самому ничтожному поводу, он впадал в какое-то иступление, сердился, бранился, обижал встречного и поперечного, доходил до бешенства»⁷. И сам Булгарин в 1828 г. в аналогичном случае (цензор пропустил в печать оскорбительные нападки на него) писал цензору П.И. Гаевскому: «Я не могу писать связно и высказать всего, что бы хотел, ибо память всех тех обид, притеснений и оскорблений, которые я перенес от вас, лишает меня присутствия духа»⁸.

Булгарин послал князю Волконскому совершенно нетактичное письмо, идущее вразрез не только со всеми правилами приличия, но и с существующими формами обращения к высокопоставленному официальному лицу:

Светлейший князь милостивый государь
князь Григорий Петрович!

Цензор Корсаков⁹ объявил мне, что он получил приказание от Вашей Светлости запрещать в «Северной пчеле» *все*, что ни будет говорить противу «Отечественных записок», и что цензора «Отечественных записок» также получили приказание исключать все, что будет печат-

⁵ Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. М., 1955. Т. 1. С. 273–274.

⁶ Отечественные записки. 1843. № 12. Отд. VIII. С. 127, 125.

⁷ Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 692.

⁸ Отчет Императорской публичной библиотеки за 1892 год. С. 65.

⁹ Петр Александрович Корсаков (ок. 1787–1844) — писатель, журналист, переводчик; цензор Петербургского цензурного комитета в 1835–1844 гг. Булгарин вспоминал, что «знал его с 1806 года и жил дружно в молодости. Нет человека без слабостей, но он был истинно честный и благородный человек» (письмо к А.В. Никитенко от 14 апреля 1844 г.: ИРЛИ. 18439. Л. 35). Цензурировал «Северную пчелу» в 1840–1843 гг., а также книги Булгарина «Жомары» (СПб., 1842), Сочинения (Ч. 1–4. СПб., 1843), «Очерки русских нравов» (СПб., 1843), Полн. собр. соч. (Т. 1–7. СПб., 1839–1842) и др.

таться противу меня. Миролубиво-отцовские сии попечения простерлись столь далеко, что в декабрьской книжке «Отечественных записок» меня ругают наповал, а мне уже после вооруженного нейтралитета гг. цензоров нельзя за себя вступиться.

Честь имею донести Вашей Светлости, что если эта мера принята Вашею Светлостью или Его Высокопревосходительством г. министром народного просвещения¹⁰, то я решился принести жалобу Его Императорскому Величеству, как за явное нарушение Ценсурного устава главы I, ст. 12, 13, 14 и 15¹¹, с изложением и объяснением причин, именно представив на вид действне партии, стремящейся к одной цели *со времен Новикова*, в Москве. Эта партия могла вовлечь Вашу Светлость или г. министра таким образом, что Вы никак не догадывались, что, прекращая якобы *полемику* журнальную, Вы взнудали страшного им врага и дали партии простор действовать *усиленно*, на ниспровержение всякого существующего порядка в Отечестве, веры и законов, в чем «Отечественные записки» и не скрываются, сказав 1841 года в № 8 в томе IV, отдел II: «Что не *распадалось* на *противоположности*, в том еще нет жизни, потому что нет любви; и *в народе*, пока он не начинал *отрешаться от природы*, не может быть никакого *движения*, никакое *силы*. *И горе тому народу!* Народы предназначаются для *жизни*, в самый миг появления на свет начинают процесс *движения*, начинают *расторгать свои узы* и поражать еще неокрепшими дланями *воздвигшую их грудь*»¹². Или в № 6,

¹⁰ Имеется в виду С.С. Уваров.

¹¹ Ценсурный устав 1828 г. гласил: «§12. Всякие суждения о предметах, относящихся к наукам, словесности и искусствам, как то: о вновь выходящих книгах (не исключая из того и издаваемых от казенных мест сочинений и статей, когда оные собственно касаются наук, словесности или художеств) [...] дозволяются ценсурою, если только сии суждения не противны общим ее правилам. §13. Ценсура в произведениях изящной словесности должна отличать безвредные шутки от злонамеренного искажения истины и от существенных оскорблений нравственного приличия и не требовать в вымыслах той строгой точности, каковая свойственна описанию предметов высоких и сочинениям важным. §14. Охраняя личную честь каждого от оскорблений и подробности домашней жизни от нескромного и предосудительного обнародования, ценсура не препятствует однако же печатанию сочинений, в коих под общими чертами осмеиваются пороки и слабости, свойственные людям в разных возрастах, званиях и обстоятельствах жизни. §15. Ценсура не имеет права входить в разбор справедливости иди неосновательности частных мнений и суждений писателя, если только оные не противны общим правилам цензуры; не может входить в суждение о том, полезно или бесполезно рассматриваемое сочинение, буде только оно не вредно; и не должна поправлять слога или замечать ошибок автора в литературном отношении, если только явный смысл речи не подлежит запрещению» (Устав о ценсуре. СПб., 1829. С. 8–10).

¹² Булгарин очень неточно цитирует статью М.Н. Каткова «Песни русского народа, изданные И. Сахаровым. Пять частей. Санкт-Петербург, 1838–1839» и неверно указывает год и номер журнала. Правильно: 1839. Т. IV. № 6. Отд. VI. С. 17–18. Выделение в этой и следующей цитатах сделано Булгариним.

1842 года, стр. 25: «Как *внутренние потрясения*, внешние бедствия *укрепляют*, так сказать, *новые государства*, так разрушили они древние»¹³.

Не знаю, знаком ли Вашей Светлости этот *язык московских мартинистов* и их *пророка Новикова*¹⁴, но г. министр народного просвещения все это очень хорошо помнит и знает. Но как, по собственному сознанию покойного историографа Карамзина императору Александру Павловичу, очевидно, что *первою целью Новикова было старание овладеть общим мнением посредством литературы и журналов*¹⁵, в чем он и успел, так и ныне цель «Отечественных записок» клонится к тому, чтоб *уничтожить все воспоминания, всю прежнюю литературу и водворить свое учение*, для приготовления юношества к *действию и жизни*, говоря их языком. Точно так же *юная Германия, юная Франция и юная Италия стали бесславить своих классиков*¹⁶, как «Отечественные записки» начали низла-

¹³ Булгарин неточно цитирует анонимную (предположительно атрибутируемую Белинскому) рецензию на книгу Ф. де Шампаньи «Кесари» (СПб., 1842).

¹⁴ Мартинизм — мистическое эзотерическое учение, созданное в XVIII в. Луи Клодом де Сен-Мартеном. Согласно ему, первый человек совершил падение из божественного в материальное, но у людей есть возможность вернуться в божественное с помощью духовного просветления, достигаемого при сердечной молитве. В России труды Сен-Мартена переводили и распространяли масоны. Мартинисты занимались благотворительностью, мистическими размышлениями и молитвами. В 1792 г. глава русских мартинистов Н.И. Новиков был заключен в Шлиссельбургскую крепость, а многие изданные им книги, в том числе и книга Сен-Мартена «О заблуждениях и истине», — уничтожены.

¹⁵ В «Записке о Н.И. Новикове», подготовленной для Александра I в 1818 г., после смерти Новикова, Н.М. Карамзин писал, что «около 1785 года он вошел в связь по масонству с берлинскими теософами и сделался в Москве начальником так называемых *мартинистов*, которые *были (или суть)* не что иное, как *христианские мистики*: толковали природу и человека, искали таинственного смысла в Ветхом и Новом завете, хвалились древними преданиями, унижали школьную мудрость и проч.; но требовали истинных христианских добродетелей от учеников своих, не вмешивались в политику и ставили в закон верность к государю. Их общество, под именем *масонства*, распространилось не только в двух столицах, но и в губерниях; открывались *ложжи*; выходили книги масонские, мистические, наполненные загадками» (Неизданные сочинения и переписка Н.М. Карамзина. СПб., 1862. Ч. I. С. 223–224).

¹⁶ Булгарин смешивает, с одной стороны, революционные подпольные организации «Молодая Италия» (Giovine Italia; 1831–1834 и 1840–1848), «Молодая Германия» (Junges Deutschland; 1834–1836) и «Молодая Франция» (La Jeune-France; 1835–1836) и, с другой, разнородные литературные явления — имевшее сильный политический резонанс движение 1830-х гг. «Молодая Германия» (оппозиционные немецкие писатели Л. Бёрне, Г. Гейне, К. Гуцков и др.) и деятельность французских писателей-романтиков второй половины 1820-х — 1830-х гг. (В. Гюго, О. де Бальзак, Э. Сю, Ж. Жанен и др.), которые хотя и не были политически особо радикальны, в России интерпретировались как французская аморальная «неистовая словесность» и оценивались властями резко негативно (следует учесть и тот факт, что в Париже в первой половине 1830-х гг. существовал носивший чисто эстетический и бытовой характер кружок «Юная

гать Державина, Карамзина, Жуковского и *всех*, а как только «Отечественные записки» *догадались*, что я *достиг их тайну*, то и начали работать в обществе, чрез своих протекторов, чтоб заставить *меня замолчать!* Я буду просить у Государя Императора *комиссии*, пред которою представлю как *доноситель*, потому что Вы пресекаете мои литературные пути, останавливая действия закона — и представляю все выписки из «Отеч[ественных] записок», с письмом ко мне от преосвященников и знатнейших помещиков в губерниях, которые с ужасом спрашивают меня, как может такой журнал издаваться и рекомендоваться в провинциях! Я выписал здесь *нечто* из старых книжек «Отечественных записок», но Ваша Светлость крайне *удивитесь*, когда увидите, что *во время Вашего превосходительства пропущены вещи гораздо* посмелее и почище! Если все власти, все министры, все комиссии в России откажутся представить мою просьбу Государю Императору, я имею случай переслать ее чрез посредничество Его Величества Короля прусского¹⁷, ибо мои близкие родные состоят в его подданстве¹⁸; но если уже пошло на то, чтобы гибнуть, пусть погибну, но не доживу до того унижения, чтоб на меня, как на *собаку*, цензура клала *намордник!* В законе определены *меры критики* — но не *запрещена критика*, и Ваша Светлость, позволив Кони напечатать в «Литературной газете», что я беру деньги с *сочинителей*¹⁹, когда цензор Никитенко вымарал это, Ваша Светлость теперь воспрещает мне находить дурное в «Отечественных записках», когда только и защита у авторов от нападения «Отечественных записок», как в одной «Северной пчеле»!!!!???

Боже, где твое правосудие и твои громы!

Из выписок из «Отечественных записок» и смысла целых статей, например о Прометее (за что профессор был выгнан из Берлина, а у нас напечатано с восторгом)²⁰, я утверждал, что «Отечественные записки»

Франция»: Т. Готье, Ж. де Нерваль, П. Борель и др.; см. о нем: *Мильчина В.* «Порода в женщинах» и «Юная Франция»: попытка комментария // Мир Лермонтова. СПб., 2015. С. 560–571), но вряд ли Булгарин имел его в виду. В Италии аналогичного литературного движения не было, но глава «Молодой Италии» Дж. Мадзини был литературным критиком.

¹⁷ Имеется в виду Фридрих-Вильгельм IV (1795–1861) — король Пруссии с 1840 г.

¹⁸ Мы не располагаем информацией о том, кто конкретно имеется в виду.

¹⁹ Федор Алексеевич Кони (1809–1879) — водевиллист, театральный критик, журналист. В 1837–1838 гг. сотрудничал в «Северной пчеле». С 1839 г. Кони перешел в лагерь противников Булгарина; печатался в «Литературных приложениях к «Русскому инвалиду»», с 1840 г. преобразованных в «Литературную газету», редактировал «Пантеон русского и всех европейских театров» (1840–1841) и, как говорилось выше, «Литературную газету». См. его памфлетную характеристику в романе Булгарина и Н.А. Полевого «Счастье лучше богатства», где он выведен как Федор Аникиевич Мул (Библиотека для чтения. 1845. Т. 69. С. 149–152). Здесь Булгарин имеет в виду публикацию Кони, упомянутую в примеч. 2.

²⁰ В записке «Социализм, коммунизм и пантеизм в России, в последнее 25-летие», поданной в III отделение в 1846 г., Булгарин писал об этом подроб-

есть не что иное, как *выражение и дух партии, стремящейся медленным, но верным путем* к 1789 году — и если меня приносят теперь в жертву этой партии, по проискам ее агентов, чего ни Вы или г. министр не догадываетесь, то пусть же Россия узнает, *кто и как* действовал против меня!!! Я болен и не могу лично объясниться с Вашею Светлостью — попрошу всепокорнейшее известить или меня, или цензора — по Высочайшему ли повелению запрещено мне писать против «Отечественных записок», чтоб я знал, жаловаться ли мне или просить проект *комиссии*.

С истинным высокопочитанием и таковою же преданностью честь имею быть Вашей Светлости покорнейшим слугою

Ф. Булгарин

1 декабря 1843. СПб.²¹

В отличие от первого письма, где шла речь об интригах лично против него (что представителей власти мало интересовало), здесь Булгарин говорит об опасности для государства, а такие заявления игнорировать было нельзя. К тому же он косвенно критикует Волконского, утверждая, что при нем цензура менее бдительна и пропускает опасные тексты.

Волконский ознакомил с этим письмом С.С. Уварова. Через несколько дней он в письме Уварову так кратко характеризовал свои предшествующие действия: «1) [...] заметив старания некоторых редакторов периодических изданий обратить литературную полемику в предосудительные личности, я счел долгом напомнить *словесно* гг. цензорам о необходимости при дозволении к печатанию журнальной критики отнюдь не выходить из пределов статьи 12-й

нее: «За статью “Прометей” берлинский профессор был выгнан из университета. Прометей изображает аллегорически народ, ищущий *свободы*, а Юпитер, приковавший его к скале, есть *монархия*. Старый миф, которого применение воспалит умы. У нас это прошло без внимания в “Отеч[ественных] записках” 1843 года, № 2, стр. 48 — пред и после» (Видок Фиглярин: Письма и записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Изд. подгот. А.И. Рейтблат. М., 1998. С. 495). Булгарин ссылался на статью В.П. Боткина (подписана: В. Б-тк-н) «Германская литература», в которой, наряду с другими книгами, реферировалось и исследование профессора Лейпцигского университета Б.Г. Вейске, посвященное мифу о Прометее (*Weiske B.G. Prometheus und sein Mythenkreis. Leipzig, 1842*). Однако Вейске трактовал миф отнюдь не в социально-политическом ключе, как утверждает Булгарин. Боткин писал, что «автор видит в мифах Прометей образ нравственной и мыслительной силы духа человеческого [...] раскрывает он, как в мифах сих, в стремлении Прометее, в его страдании и наконец в победе — проявляется история духа человеческого — сначала в одном лишь темном предчувствии, потом в постепенно уясняющемся сознании» (Отечественные записки. 1843. № 2. Отд. VII. С. 48). В упомянутой записке Булгарин развил свои обвинения против «Отечественных записок».

²¹ Печатается по: ИРЛИ. 19.696.

и пунктом 4-м ст. 3 устава о цензуре назначенных, и на сем основании устранять поводы к личностям; 2) [...] с тем вместе я поручил цензорам сообщить *конфиденциально* о сем моем напоминании и издателям газет и журналов, ими рассматриваемых и 3) [...] едва я принял сию меру, как получил от издателя «Северной пчелы» Булгарина письмо, в коем многие фразы, относящиеся до предметов, предел прав моих как председателя цензурного комитета превышающих, не могли не заставить меня копию с сего письма представить на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства. Что же касается до той части письма Булгарина, которая заключает в себе превратное толкование вышеизложенного моего распоряжения, ему сообщенного, то в сем отношении, не считая себя вправе обременять Ваше Высокопревосходительство предметом, в круг моих обязанностей непосредственно включающим, я счел долгом повторить еще раз издателю «Северной пчелы» Булгарину о моем распоряжении, дабы для него не оставалось уже ни малейшего сомнения о необходимости сообразоваться с законами, Высочайше утвержденными»²².

Уваров, который с самого своего вступления в должность министра народного просвещения настороженно относился к периодическим изданиям, особенно к ведущейся в них полемике, и добился запрещения двух журналов («Московского телеграфа» в 1834 г. и «Телескопа» в 1836 г.), 4 декабря направил Бенкендорфу следующее отношение, в котором предлагал выработать меры для полного прекращения полемики в периодических изданиях:

Милостивый государь, граф Александр Христофорович!

Несообразное с правилами Устава о цензуре направление политических статей в некоторых повременных изданиях побудило цензурное начальство подтвердить вновь о наблюдении предписанных в сем отношении мер. Это распоряжение было поводом к письменному возражению на оно со стороны издателя газеты «Северная пчела» г. Булгарина, о котором г. исправляющий должность попечителя С.-Петербургского учебного округа вошел ко мне с представлением. Я считал обязанностью сообщить на усмотрение Вашего Сиятельства это представление в подлиннике с приложенною к нему копию с письма г. Булгарина.

Несмотря на бдительный и непрерывный надзор за периодическими сочинениями, на неоднократные и строгие меры против неприличной полемики, из коих некоторые приняты были по воле Государя Императора, издатели журналов и газет стараются, при всяком случае, перейти за пределы позволительного и терпимого. — Ежели бы «Северная пчела» не состояла, в некоторых частях своих, под наблюдением

²² РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1667. Л. 18–19. Сердечно благодарю Н.А. Гринченко за предоставленные выписки из хранящихся в РГИА цензурных дел.

III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, то после подобного настоящему сопротивлению со стороны издателя этой газеты распоряжениям цензурного начальства я непосредственно приступил бы к решительному прекращению для нее всякой полемики. Впрочем, подобную меру я считаю необходимым сделать общею, распространить силу ее не на одну «Северную пчелу», но и на другие издания, по крайней мере на некоторое время. Беспреданно повторяющиеся примеры, что допускаемая в журналах литературная критика употребляется издателями во зло, доказывают, что орудие журнальной полемики находится в руках неспособных добросовестно владеть им. Оставлять его еще долее у людей, которые не представляют правительству ручательства в благонадежности (чему настоящий случай служит неопровержимым убеждением), — значило бы сделать журналы ареною неблагоприятной вражды и личных обид.

Так как мера эта по существу своему входит в общие виды благочиния и внутреннего порядка, то содействие Вашего Сиятельства я считаю необходимым для полного успеха оной. Прежде представления о том Его Императорскому Величеству я желал бы иметь в виду мнение по сему предмету Вашего Сиятельства, почему покорнейше прошу Вас, милостивый государь, почтить меня сообщением мне оного, с возвращением прилагаемых бумаг.

Примите, милостивый государь, уверение в совершеннейшем почтении и преданности.

Уваров.

4 декабря 1843²³.

8 декабря Бенкендорф ответил Уварову:

Милостивый государь Сергей Семенович!

На отношение Вашего Высокопревосходительства от 4 декабря, за № 1530, имею честь ответить, что, находя письмо господина Булгарина дерзким и ни с чем не сообразным, я приказал пригласить его к себе и сделать ему должное самое строгое внушение. — Что же касается до неприличия полемики гг. журналистов, то этот предмет давно уже обращал на себя мое внимание, и я нахожу, что меры, которые Ваше Высокопревосходительство намерены предпринять для удержания периодических изданий в должных пределах приличия, и полезны, и необходимы; но вместе с тем полагаю, что совершенное уничтожение журнальной полемики было бы мерою излишне строгою и породило бы много неудобств и жалоб, тогда как беспристрастие и благоразумие цензуры, особенно при настоящих предположениях Ваших, без всякого сомнения удержат журналы в пределах приличия и возможной справедливости. К совершенному же воспрещению полемики можно и должно будет прибегнуть в то время, когда очевидно краткие распоряжения окажутся недействительными.

Изложив Вашему Высокопревосходительству мое мнение, я, впрочем, представляю предмет сей совершенному Вашему просвещенному

²³ ГАРФ. Ф. 109. 1830. Ед. хр. 446. Ч. 6. Л. 62–63. Далее листы этого архивного дела указываются в скобках в тексте.

решению и пользуюсь случаем, чтоб возобновить уверение в чувствах моего совершенного к Вам уважения и преданности.

Граф Бенкендорф.

8 декабря 1843. (Л. 64–65).

Как видим, министр народного просвещения, который должен стремиться к развитию литературы и журналистики, предлагает ужесточить цензуру, «прижать» журналистов и сузить тем самым сферу действия общественного мнения, а глава III отделения считает, напротив, что следует допускать публичную полемику и что существующий цензурный устав предоставляет достаточно возможностей для контроля. Это, конечно, не случайно, поскольку именно в Николаевское царствование власть осознала (не без советов Булгарина), что душище общественное мнение нецелесообразно, гораздо эффективнее направлять его и, в нужных случаях, имитировать, как это происходило в «Северной пчеле», где нередко материалы, выражающие официальную точку зрения, печатались в качестве частных рассуждений и мнений.

11 декабря 1843 г. состоялось заседание Главного управления цензуры, специально посвященное этому вопросу, на котором присутствовали С.С. Уваров, его заместитель П.А. Ширинский-Шихматов, Л.В. Дубельт, Г.П. Волконский и др. В журнале этого заседания говорилось:

Господин председатель [т.е. Уваров] предложил на рассмотрение Главного управления цензуры дело о мерах, принятых по Санкт-Петербургскому цензурному комитету против неприличной полемики. Господин исправляющий должность попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, заметив в критических журнальных статьях направление, не соответствующее с цензурными постановлениями, подтвердил цензорам обязанность на будущее время не допускать к печатанию личностей и поручил им напомнить всем издателям журналов о необходимости держаться существующих узаконений. Это распоряжение было поводом к письменному возражению на оное со стороны г. Булгарина, о котором г. исправляющий должность попечителя вошел с представлением. Г. министр народного просвещения, убеждаясь из беспрестанного повторяющихся примеров, что допускаемая в журналах литературная критика употребляется издателями во зло и что орудие журнальной полемики находится в руках, не всегда способных добросовестно владеть им, чтобы не оставлять ее долее у людей, которые не представляют правительству ручательства в благонадежности и не делают журналы ареной благородной вражды и личных обид, полагал полезным решительно прекратить всякую полемику для «Северной пчелы» и распространить силу этой меры и на другие издания, по крайней мере на некоторое время. Так как мера эта по существу своему входит в виды общественного благочиния и внутреннего порядка, то г. министр относился к г. генерал-лейтенанту графу Бенкендорфу, прося о сообщении его мнения по сему предмету. Отношением от 8 сего декабря за № 3930 граф Бенкен-

дорф отозвался, что признавая письмо г. Булгарина дерзким и ни с чем не сообразным, он сделает ему должное, самое строгое внушение; меры же, которые г. министр народного просвещения предполагает принять, находит полезными и необходимыми.

За сим г. председатель предложил Главному управлению цензуры на обсуждение следующие постановления:

1. Всем частным периодическим изданиям, под каким бы названием они не появлялись в свет, запрещается подвергать критическому рассмотрению другие повременные издания, разбирать содержание и образ издания оных и входить в какие-либо суждения о лицах, занимающихся редакцией журналов и газет.

2. Периодическим изданиям, в состав которых входит литературная критика, дозволяется помещать разборы книг с таким однако ограничением, чтобы в суждениях своих они не касались личных и нравственных качеств сочинителей и чтобы, разбирая только подлежащую критическому рассмотрению книгу, не дозволяли себе порицать других писателей, которых произведения не составляют прямо и непосредственно предмета разбора в критической статье.

3. Сочинитель, коего книга, по его мнению, будет разобрана неосновательно в одном из периодических изданий, имеет право поместить в том же самом издании возражение свое, буде оно не противно смыслу 2-й статьи, в сем случае цензура обязана обращать бдительное внимание на содержание и изложение подобных возражений.

4. Издатель журнала или газеты, поместивший критическую статью, которая Главным управлением цензуры будет признана нарушающею смысл выше изложенных цензурных постановлений, немедленно будет лишен по решению Главного управления цензуры права на издание повременного сочинения; равномерно и цензор, дозволивший такую статью, удаляется от должности.

Главное управление цензуры, признавая эти меры соответствующими смыслу цензурных постановлений и распоряжений, которые принимались неоднократно в прежнее время, отчасти по воле Государя Императора, нашло полезным привести выше показанные правила в действие по крайней мере на некоторое время и предписать их цензуре к точному наблюдению с объяснением оных редакторам повременных изданий. Но как о дозволении журналов и газет вместе с программами оных, равномерно о запрещении их представляется по общему порядку на высочайшее разрешение государя императора, то Главное управление цензуры предоставило г. председателю испросить высочайшее соизволение Его Императорского Величества и на предполагаемые ныне меры ограничения критики и полемики в повременных изданиях²⁴.

Опираясь на это решение Главного управления цензуры, Уваров подал императору докладную записку, в которой, как он вспо-

²⁴ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1667. Л. 11–15.

минал впоследствии, «предлагал разделить в периодических изданиях ответственность между авторами и цензорами»²⁵.

Никитенко записал в дневнике 16 декабря: «Князь Григорий Петрович Волконский вчера в цензурном комитете говорил следующее по поводу дела Булгарина. Министр сделал представление государю о необходимости дополнить и изменить цензурный устав. В нем будто дано мало средств для обуздывания литераторов, особенно журналистов. Он ссылался на попечителя, который будто бы требует его помощи, а министр сам имеет мало возможности делать что-нибудь решительное. Очевидно, Уваров хотел расширить свою власть. Говорят, он просил, чтобы ему было предоставлено право немедленно прекращать журналы, как скоро в них найдется что-нибудь бранное.

Государь отвечал, что цензурный устав достаточен и что, следовательно, нет никакой надобности дополнять его, а еще менее изменять. “У цензора довольно власти, — сказал он: — у них есть карандаши: это их скипетры”. За испрашивание же помощи велел сделать строгий выговор князю Волконскому, потому что эту помощь он должен бы найти в своих правах.

Тут что-то много темного. Кажется, князь заранее условился с государем дать делу такой оборот, а министра немножко надули. Что хорошего в этом — то, что цензурный устав остается неприкосновенным. В противном случае Бог знает, к каким еще стеснениям мог бы повести пересмотр его в настоящее время.

В заключение, что выиграл или проиграл Булгарин своим доносом — неизвестно. Князь сказал, что тут есть подробности, которых он не может объявить»²⁶.

14 декабря Бенкендорф направил Уварову новое отношение, учитывающее, видимо, представление министра:

Милостивый государь Сергей Семенович!

Государь Император, узнав, что гг. издатели газет и журналов часто, вместо того, чтобы помещать в своих изданиях разбор сочинений и критику оных чисто литературную и благонамеренную, осмеливаются превращать эту дозволенную критику в личности непростительные и брань неприличную, Высочайше поручить мне соизволил сообщить Вашему Высокопревосходительству, что Его Величество отныне наистрожайше повелел, дабы Устав ценсурный оставался во всей своей силе и чтобы смысл оного ни под каким предлогом нарушаем не был, тем более что Устав этот достаточен для удержания гг. журналистов в пре-

²⁵ Уваров С.С. О цензуре / Публ. М.М. Шевченко // Река времен: Книга истории и культуры. М., 1995. Кн. 1. С. 75.

²⁶ Никитенко А.В. Указ. соч. С. 275.

делах общей благопристойности, и чтобы они, разбирая сочинение, не осмеливались касаться личности сочинителя. При этом Его Величество заметить изволил, что неукоснительное исполнение всех предписаний Ценсурного устава будет зависеть от строгого внимания и знания своего дела гг. цензоров, как равно и от просвещенного и прозорливого направления, которое Ваше Высокопревосходительство будет давать тем ценсорам в исполнении их обязанности.

Примите...²⁷

Граф Бенкендорф (Л. 66).

«Высочайшее повеление о том, дабы Устав цензурный остался во всей своей силе и чтобы смысл оногo ни под каким предлогом нарушаем не был»²⁸, было официально сообщено цензурным инстанциям. Исполняя его, Уваров 15 декабря отдал распоряжение «о неукоснительном исполнении всех предписаний Цензурного устава к воспрепятствованию в журналах и газетах неприличной полемики» (Л. 67). Известив об этом официальным отношением Бенкендорфа, он одновременно направил ему письмо с разъяснением мотивов своих предложений:

Милостивый государь, граф Александр Христофорович!

Приняв Высочайшую волю, в отношении Вашего Сиятельства от 14 сего декабря за № 4008 изображенную, к исполнению, я считаю себя обязанным изложить Вам, милостивый государь, *конфиденциально* побуждения, по коим я полагал необходимым усилить власть цензурного начальства некоторыми временными мерами, как я о сем предварительно объяснял Вашему Сиятельству.

В одиннадцатилетнее мое управление Министерством народного просвещения считал я цензуру печатаемых книг, особенно журналов и газет, одну из самых тяжких, но вместе и самых важных обязанностей моего звания. Во все продолжение этого времени и донныне наблюдая за ходом периодической литературы и замечая постоянный ее упадок, я не мог не заметить и систематического ее уклонения от начал, ей предначертанных. В этой вседневной, неровной борьбе цензоров, обремененных трудами суетливыми и подлежащих нападениям со всех сторон и взысканиям всякого рода, с журналистами, считающими ненаказанность свою прямым следствием ответственности цензора, ими же вовлеченного в ошибку, являлись с одной стороны иногда слабости и недосмотры, с другой обнаруживалось более и более если не открытое сопротивление, как в настоящем случае со стороны Булгарина, то по крайней мере беспрерывное стремление уловить всеми средствами цензора и избегнуть точного исполнения неоднократных предписаний начальства и строжайше определяемых взысканий. Обращаясь к правилам, изложенным в Уставе о цен-

²⁷ Текст отношения печатается по отпуску, сохранившемуся в делах III отделения, в котором финальная часть со стандартной формулой завершения письма опущена.

²⁸ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1582. Л. 22 об.

зуре (в составлении коего мы с Вашим Сиятельством участвовали), я дозволяю себе заметить, что подобно всем цензурным установлениям, когда-либо и где-либо составляемым, в Уставе мы не могли предупредить всех случаев или заранее предусмотреть те стороны, с коих будут стараться ослабить его действия. У нас эта сторона явно показывается в периодической литературе, поглотившей все другие отрасли словесности или низведшей оную на низшую степень самобытности. В таком положении я обратил внимание и Вашего Сиятельства и Главного управления цензуры на необходимость не только не ослабить, но и подкрепить хотя временными мерами власть цензурного начальства, недостаточно, по моему разумению, обеспеченную и находящуюся по силе вещей в оборонительном уже положении. Эти предположения, как видно из отношения Вашего Сиятельства, не удостоились Высочайшего одобрения и тем самым положен конец всякому дальнейшему рассуждению. Я не останавливаюсь сказать: заявивши всеподданнейше Его Величеству и ныне чрез Ваше Сиятельство повторяя, что по моему убеждению орудие периодической литературы находится у нас большею частию в руках людей, не заслуживающих доверия правительства, — я в ближайшем смысле исполнил одну из главных обязанностей моего звания. — От сердца желаю, чтобы на опыте мои опасения оказались чрезмерными и не были подтверждены фактами; во всяком случае мое неусыпное наблюдение будет и впредь обращено на сохранение, по мере недостаточных средств и быстро возрастающих затруднений, общего духа от заразы, ему грозящей, и от ухищрений недобросовестных двигателей общего мнения, влияние коих тем более уважительно у нас, что они действуют как будто с разрешения правительства и в кругу его наблюдений.

Что касается до письма Булгарина к кн. Волконскому, то я не доводил до Высочайшего сведения о том обстоятельстве, что это письмо было предварительно сообщено Вашему Сиятельству, потому что не считаю, что подобное конфиденциальное сообщение с представлением Вашему Сиятельству распорядиться по собственному Вашему усмотрению касательно самого Булгарина освобождало меня от обязанности доводить до Высочайшего сведения о таких просьбах, в коих содержится так сказать *апелляция* на Высочайшее усмотрение против распоряжения министерства, мне Высочайше вверенного; каковым правилом я руководствовался в течение 11 лет и до конца службы моей всегда руководствоваться буду. Сверх того я должен был обозначить ясно и точку, с которой я смотрю на положение цензоров и на дух журналистов, а в этом отношении довольно одного этого отзыва редактора «Северной пчелы», чтобы убедиться, как я сказал выше, в том, что орудие периодической литературы находится, к сожалению, большею частию в руках, не имеющих права на уважение начальства и доверие правительства.

Впрочем, так как «Северная пчела» состоит уже в некоторых частях под наблюдением III отделения Собственной канцелярии Его Величества, то не благоугодно ли будет Вашему Сиятельству подвергнуть на Высочайшее уважение мое всеподданнейшее ходатайство о том, чтобы вообще цензурирование «Северной пчелы» было возложено на III отделение, под управлением Вашего Сиятельства состоящее.

Покорнейше прося Ваше Сиятельство довести о всех сих обстоятельствах до Высочайшего Его Величества сведения, я прошу Вас, милостивый государь, принять уверение в совершенном почтении и преданности.

Уваров.

15 декабря 1843 (Л. 68–70)²⁹.

Спустя три дня Бенкендорф ответил на письмо Уварова:

Милостивый государь Сергей Семенович!

Отношение Вашего Высокопревосходительства, от 15 декабря № 1594, я имел счастье в подлиннике представлять Государю Императору, и Его Императорское Величество, для рассмотрения Ценсурного устава, намерен был повелеть учредить комитет из тех самых лиц, которые участвовали в составлении оного³⁰. Но как некоторые из особ тех уже скончались, то Государь Император Высочайше повелеть изволил, чтобы Ваше Высокопревосходительство подробно рассмотрели в Главном ценсурном управлении действующий ныне Ценсурный устав и указали бы те недостатки оного, которые, по приобретенной Вами опытности в течение одиннадцатилетнего управления Министерством народного просвещения, должны быть, по Вашему мнению, исправлены³¹.

²⁹ Подробнее о взглядах Уварова на цензуру см.: *Виттекер Ц.Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999. С. 128–139.

³⁰ Не ясно, о каком комитете идет речь. История создания цензурного устава 1828 г. достаточно темна. С ноября 1826 г. по октябрь 1827 г. действовал Временный комитет для рассмотрения проекта цензуры иностранных книг, который дал аргументированную критику цензурного устава 1826 г. и предложил разработать новый (см.: *Гиллельсон М.И.* Литературная политика царизма после 14 декабря 1825г. // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1978. Т. 8. С. 203–215). В него входили И.В. Васильчиков, Д.В. Дашков, Л.Л. Карбоньер, В.С. Ланской, К.В. Нессельроде, С.С. Уваров, А.С. Шишков. О комитете, в рамках которого создавался устав, утвержденный в апреле 1828 г., у историков информации нет. Известно только, что важную роль в подготовке нового устава сыграл Д.В. Дашков и что, по некоторым сведениям, над его текстом работали Н.И. Греч и В.Ф. Одоевский, но последние по своему служебному статусу в подобный комитет входить не могли. На основе слов Уварова в предыдущем письме можно выдвинуть предположение, что членами этого комитета были Уваров и Бенкендорф.

³¹ 22 декабря 1843 г. Уваров поручил Волконскому «предложить С.-Петербургскому цензурному комитету рассмотреть подробно существующий ныне цензурный устав в отношении к правилам внутренней цензуры и представить [...] соображения свои об изменениях и пополнениях, какие комитет признает полезным сделать по некоторым статьям сего узаконения» (РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1667. Л. 66). 28 декабря Волконский выполнил это поручение, но никто из членов комитета в дальнейшем ничего не представил. В ноябре 1845 г. Уваров запросил нового попечителя Петербургского учебного округа М.Н. Мусина-Пушкина, как продвигается эта работа. Подготовить дополнения было поручено Никитенко. Он в ноябре–декабре составил «Проект изменений и дополнений

По окончании сего труда Его Величеству благоугодно, чтобы Ваше Высокопревосходительство все улучшения Ценсурного устава, как равно уничтожение и пополнение некоторых статей оного представили в Комитет гг. министров для обсуждения и представления Его Императорскому Величеству.

Что же касается до предложения Вашего Высокопревосходительства о возложении на обязанность III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии цензуры «Северной пчелы», то Государь Император находит, что этот журнал, как и все прочие *частные газеты*, должен находиться на *общем основании* под непосредственным наблюдением обыкновенной цензуры и что иное распоряжение насчет «Северной пчелы» было бы отступлением от общего закона. Не меняя того, таковое правильное заключение нисколько не препятствует как этому журналу, так и другим быть под некоторым моим влиянием и не лишает меня права посылать в тот или другой, по моему усмотрению, статьи, за которые уже лично я отвечаю, но которые не менее того равномерно должны быть подвергаемы общему закону цензуры.

Примите, милостивый государь, уверение в чувствах моего ответного к Вам уважения и преданности.

Граф Бенкендорф.

18 декабря 1843 (Л. 71–72).

21 декабря Никитенко сделал последнюю дневниковую запись об этом деле: «Неожиданная нелепая мера министра народного просвещения. В цензурном комитете получена от него бумага, в которой он объявляет, что “действительно нашел в журналах статьи, где под видом философских и литературных исследований распространяются вредные идеи”, и потому он предписывает цензорам “быть как можно строже”. Повторяется также приказание бдительнее смотреть за переводами французских повестей и романов.

Я был у князя по этому поводу. Он очень сердит на министра за все эти распоряжения. Министр сказал ему, что “хочет”, чтобы, наконец, русская литература прекратилась.

Тогда по крайней мере будет что-нибудь определенное, а главное, говорил он, “я буду спать спокойно”.

Министр объявил также, что он будет карать цензоров беспощадно. Приятная перспектива!

Самое интересное в этих новых распоряжениях министра то, что они как бы совершенно оправдывают донос Булгарина на него само-

к Цензурному уставу», который был 28 декабря рассмотрен и одобрен цензурным комитетом. Было решено: «Не делать изменений в ныне существующий цензурный устав», «дополнить устав правилами а) об ответственности повременных изданий пред правительством; в) об ответственности периодических изданий пред публикой; с) об ответственности всех наших издателей книг пред публикой» и сделать еще ряд третьестепенных дополнений (там же. Л. 67–68; см. также: *Никитенко А.В.* Указ. соч. С. 296). Этот проект был представлен Уварову, но, судя по всему, Уваров не докладывал о нем императору.

го, на князя Волконского и на всех нас. Говорят, что государь, прочитав письмо Булгарина, отдал его Бенкендорфу со словами: “Сделай так, чтобы я как будто об этом ничего не знал и не знаю”³².

Видимо, это имел в виду Булгарин, когда вспоминал в письме Гречу от 15 июня 1844 г.: «[Бенкендорф.] когда Уваров хотел пожрать меня, оказал мне *истинное участие* и сказал даже: “*Si le malheur doit arriver — je prierai pour vous, comme pour moi-même*” [“Если суждено случиться несчастьем, я буду молиться за вас так же, как молился бы за самого себя” (фр.)]»³³.

Подведем итоги. Все началось с вызванного личными амбициями скандального письма Булгарина, запустившего процесс, в котором приняли участие высшие лица государства. Хотя указания на связь с мартинистами носили фантастический характер, но по сути Булгарин был прав, поскольку «Отечественные записки» действительно были оппозиционным журналом и травили Булгарина не столько из-за его устаревших взглядов и меркантильности, сколько из-за официозности его газеты и сотрудничества его с III отделением. Но резкость его выражений и нарушение субординации вроде бы повлекли за собой негативную реакцию властей, однако в конечном счете Булгарин своей цели добился. После января 1844 г. выступления против него в «Отечественных записках» и «Литературной газете» прекращаются, и не только упоминания, но и намеки на Булгарина не появляются до мая 1845 г., т.е. почти полтора года. После этого выпады возобновляются (по-видимому, запрет на полемику отменил новый попечитель Петербургского учебного округа М.Н. Мусин-Пушкин, который сменил Волконского в феврале 1845 г.), хотя появляются реже и не столь остры, как ранее; Булгарин вновь на них отвечает³⁴. Решив на некоторое время свои проблемы, Булгарин, тем не менее, наряду с другими журналистами, пострадал в дальнейшем. Его письмо подлило масла в огонь. Николай I все с большим подозрением относился к прессе, и в итоге 27 февраля 1848 г. распорядился создать специальный комитет, призванный контролировать действия цензуры (формально он был учрежден 2 апреля и так и назывался Комитетом 2 апреля, или, по имени председателя, Меншиковским). 24 марта 1848 г. Уваров вынужден был написать и передать царю записку «О цензуре», в ко-

³² Никитенко А.В. Указ. соч. С. 276.

³³ Цит. по: Рейтблат А.И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: статьи и материалы. М., 2016. С. 399.

³⁴ Помимо многочисленных его публикаций в «Северной пчеле» см., например, упомянутую в примеч. 20 его записку 1846 г. «Социализм, коммунизм и пантеизм в России, в последнее 25-летие».

торой в очередной раз разъяснял императору свои взгляды на периодическую печать и задачи цензуры: «...осмеливаюсь думать, что Ваше Величество, удостоив трудности цензурного дела снисходительного внимания, изволите признать, что если иногда встречались ошибки цензоров, то это были ошибки неумышленные, неизбежные, потому что, с одной стороны, ошибаться свойственно людям, с другой — постановления, людьми сделанные, всегда имеют свои несовершенства. Неудовлетворительность нынешнего устройства цензуры у нас, конечно, требует исправлений, и она, по моему мнению, заключается, главнейшим образом, в скудости штатов цензурных, от которой происходит недостаточность средств цензуры для ее действия; в неотчетливости издателей периодических сочинений перед правительством и в столкновении разных ведомств при цензурном деле.

Признавая необходимость некоторых дополнений к цензурным законам, я обязываюсь, однако, сказать откровенно, что прямое прикосновение к целому Уставу о цензуре не принесет никакой пользы»³⁵.

Цензурный устав изменен не был, но деятельность комитета способствовала резкому ужесточению цензурной практики, а Уваров в 1849 г. был вынужден покинуть свой пост.

Литература

Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Изд. подгот. А.И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 703 с.

Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Академический проект, 1999. 350 с.

Гиллельсон М.И. Литературная политика царизма после 14 декабря 1825 г. // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1978. Т. 8. С. 203–215.

Мильчина В. «Порода в женщинах» и «Юная Франция»: попытка комментария // Мир Лермонтова. СПб.: Скрипториум, 2015. С. 560–571.

Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 11, кн. 1. 471 с.

Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. / Изд. подгот. И.Я. Айзеншток. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 1: 1826–1857. XLIV + 542 с.

Рейтблат А.И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: Статьи и материалы. М.: Новое лит. обозрение, 2016. 632 с.

Уваров С.С. О цензуре / Публ. М.М. Шевченко // Река времен: Книга истории и культуры. М., 1995. Кн. 1. С. 72–77.

³⁵ *Уваров С.С.* Указ. соч. С. 76.

References

- Gillel'son M.I. *Literaturnaia politika tsarizma posle 14 dekabria 1825 g.* // Pushkin: Issledovaniia i materialy. Leningrad: Nauka, 1978. T. 8. P. 203–215.
- Mil'china V. «Poroda v zhenshchinakh» i «Iunaia Frantsiia»: *popytka komentarii* // Mir Lermontova. SPb.: Skriptorium, 2015. P. 560–571.
- Nekrasov N.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 15 t.* Leningrad: Nauka, 1989. T. 11, kn. 1. 471 p.
- Nikitenko A.V. *Dnevnik: V 3 t. / Izd. podgot. I.Ia. Aizenshtok.* Moscow: GIKhL, 1955. T. 1: 1826–1857. XLIV + 542 p.
- Reitblat A. *Faddei Venediktovich Bulgarin: ideolog, zhurnalist, konsul'tant sekretnoi politzii: Stat'i i materialy.* Moscow: Novoe lit. obozrenie, 2016. 632 p.
- Uvarov S.S. *O tsenzure* / Publ. M.M. Shevchenko // Reka vremen: Kniga istorii i kul'tury. Moscow, 1995. Kn. 1. P. 72–77.
- Vidok Figliarin: *Pis'ma i agenturnye zapiski F.V. Bulgarina v III otdelenie* [Vidocq Figlyarin: Letters and undercover notes F.V. Bulgarin in Third Office], izd. podgot. A.I. Reitblat. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 703 p.
- Witteker Cynthia H. *Origins of Modern Russian Education: An Intellectual Biography of Count Sergei Uvarov.* Northern Illinois University Press, 1984. [Russian translation: Saint-Petersburg, 1999] 350 p.

Bulgarin and others

2. Circles on the Water, or, the Great Effect of a Letter by F. Bulgarin

Abram I. Reitblat

Abstract: In 1843 in the course of harsh polemic with the journals *Otechestvennyye Zapiski* and *Literaturnaya Gazeta* F. Bulgarin made a complaint to Prince G. Volkonsky, the Chief of St. Petersburg Censorship Committee against his unstated prohibition on publishing polemical essays in periodicals. Count S. Uvarov, A. Benkendorf, the Chief of gendarmerie, and the Emperor himself became involved in the conflict. Count Uvarov advocated tightening of censorship and termination of polemic, while Benkendorf, on the contrary, thought it possible to change nothing in the current state of affairs. Archived documents published herewith clarify in great details the episode in question, its effect being a considerable strengthening of censorship in 1848 and S. Uvarov's retirement in 1849.

Keywords: F. Bulgarin, S. Uvarov, A. Benkendorf, Nikolay I, censorship, polemic in journals.

Information about the author: Abram I. Reitblat, PhD, “Novoe Literaturnoe Obozrenie” / Russian State Art Library, Moscow, Russia. E-mail: reitblat@nlo.magazine.ru